

Л. Е. МАРГАРЯН

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС У. РОБЕРТСОНА И Э. БЁРКА

Автор предпринимает сравнительный гендерный анализ исторических работ Уильяма Робертсона (1721–1793) и Эдмунда Бёрка (1729–1797). Рассматривается их отношение к «женской власти», а также понимание особой роли леди и «рыцарского» отношения к ней как маркера цивилизованности.

Ключевые слова: У. Робертсон, Э. Бёрк, гендерный дискурс, эпоха Просвещения, европоцентризм, леди, рыцарство, цивилизация и варварство

Изучение гендерного дискурса и представлений о месте женщины в конструктах мыслителей эпохи Просвещения имеет важное значение для понимания рассматриваемой эпохи в целом и ее гендерного кода.

В статье сделана попытка проследить трансформацию гендерного дискурса эпохи в трудах двух выдающихся умов Британского Просвещения, в текстах, отражающих одновременно их мировоззрение и социокультурную ситуацию эпохи.

В историографии немало исследований, посвященных историческим трудам британских просветителей, однако в большинстве таких публикаций гендерная тематика либо отсутствует, либо находится на периферии внимания исследователей. То же можно сказать и о современной российской историографии. Исключения составляют работы И.Е. Рудковской о трактовке поздними просветителями роли женщин в политике¹, в которых, в частности, на основе «Истории Шотландии» У. Робертсона рассматривается вопрос о понимании им легитимности женской власти.

В зарубежной британской и американской историографии эта тема тоже недостаточно исследована². Из немногочисленных работ, посвященных аспектам гендерной истории эпохи Просвещения, стоит выделить монографию британского историка Карен О'Брайн «Женщины и Просвещение в Британии XVIII века»³, в которой рассмотрены этапы трансформации взглядов англоязычных писателей на женщин высшего сословия («леди») как влиятельных и пользующихся уважением членов современного им британского социума, а также оценка влияния «леди» как цивилизующего начала. Большой интерес представляет также статья

¹ Рудковская. 2010; 2011.

² О работах по гендерной истории предпросветительской и просветительской эпох в зарубежной историографии см.: *Репина*. 2002; 2007; 2012.

³ *O'Brien*. 2010.

Сперджена Томпсона⁴, посвященная анализу «европоцентризма» Э. Бёрка и его пониманию европейской галантности.

В эпоху Просвещения роль женщины в обществе возросла, что, прежде всего, было обусловлено ростом уровня ее образованности. Многие в этот период стали говорить, что образованность женщины является своего рода критерием развития общества: чтобы быть уважаемой и востребованной, светская дама эпохи Просвещения должна была владеть, как минимум, несколькими языками, музицировать, уметь не только слушать, но и самой вести и направлять беседу, обольщать и пр. Тем не менее, женская власть считалась неприемлемой по отношению, как к мужчинам, так и к обществу в целом. У женщин не было ответственности перед законом, но соответственно не было и прав. За их проступки на политической арене взыскание или даже наказание возлагалось на мужа или отца. Предполагалось, что по тому же принципу должны были строиться взаимоотношения и в королевской семье. Венцом жизненного пути женщины по-прежнему считалось материнство. Статус Матери в обществе эпохи Просвещения был высок как никогда, а утонченная образованность и благовоспитанность женщины, должны были служить, прежде всего, духовному воспитанию ребенка⁵, формированию личности, вписывающейся в контекст Нового времени. Эту идею развивали почти все ведущие мыслители того времени. Однако начиная с XVI столетия женщины-монархи в европейских странах стали обычным явлением. В результате династических пертурбаций, происходивших в эпоху «Великого Перехода» в Западной Европе, женская власть перестала рассматриваться как нечто противоестественное.

«История Шотландии» – первый исторический труд Робертсона и первое крупное произведение по истории Шотландии. Книга вышла в свет в феврале 1759 года и имела такой большой успех среди читателей, что уже в конце того же месяца пришлось начать работу по подготовке второго издания. «История» Робертсона жива и эмоциональна, он не игнорирует переживания своих героев, их скрытые личностные мотивы, и рассматривает в комплексе не только объективные причины, но и субъективные факторы, побуждавшие исторических деятелей совершать те или иные судьбоносные поступки. По образному выражению современников, Робертсон писал «историю сердец», что делало его труды популярными и привлекательными. Одной из причин большого успеха среди читателей стали персонажи главных героинь исторического повествования – Марии

⁴ *Thomphson*. 2003.

⁵ *Буланакова*. 2001. С. 462.

Стюарт и Елизаветы Тюдор. По сравнению с ними остальные персонажи выглядят блекло и, по сути, отгеснены на второй план повествования. Жизненные пути этих двух выдающихся королей тесно связаны, и перекрещиваются в пяти из восьми книг «Истории Шотландии»⁶.

Робертсон не отделял женскую сущность Елизаветы Тюдор и Марии Стюарт от их власти, он часто отмечал, что женские слабости имели влияние на поступки Елизаветы. Так, заточение и смертную казнь Марии историк, в числе других причин, объяснял женским «началом» Елизаветы, которая использовала покушение шотландской королевы на свой престол как удобный повод избавиться от соперницы. Сравнивая лидерские качества и политическую прозорливость обеих монархинь, автор отмечал безусловное превосходство Елизаветы. Однако, наряду с этим, он, без обиняков указывал и на ее женские слабости: любовь к пышным нарядам, падкость на лесть, безудержное стремление повсюду демонстрировать свою привлекательность и очарование. С выходом же на политическую арену Марии Стюарт, королева Англии, не терпевшая конкуренции при своем дворе, вдруг почувствовала себя уязвленной. Не только в Британии, но и на материке общим местом стало сравнение и сопоставление двух королей, которое, как правило, было не в пользу Елизаветы. Королева Шотландии превосходила Елизавету утонченными манерами, красотой и элегантностью фигуры⁷.

Разбирая истоки вражды двух королей, Робертсон не обошел стороной объективные причины, послужившие ее зарождению: покушение Марии на английский престол, ее тайные сношения с английскими католиками и монархами враждебных европейских государств. Однако, по его мнению, первопричиной антагонизма между двумя монархинями стало уязвленное женское самолюбие, хотя Елизавета представила дело так, словно она казнит Марию как государственного преступника, посягающего на основы режима и англиканской церкви. В связи с этим Робертсон, с сожалением писал: «... между ней и Елизаветой зародилась зависть, которая горечью наполнила их жизнь и укоротила дни шотландской королевы»⁸. Характерно, что мужчины из ближайшего окружения Елизаветы, видевшие в Марии угрозу Английскому королевству, протестантской вере и своей личной власти, умело использовали слабость Елизаветы, подталкивая ее к крайним мерам. Свои доклады об антигосударственной деятельности Марии они сопровождали пикантными подробностями из

⁶ Подробно об этом см.: Рудковская. 2010. С. 231.

⁷ Robertson. The History of Scotland. Book III. P. 56.

⁸ Ibid. P. 105-106.

ее личной жизни и рассказами, с каким восхищением говорят о королеве Шотландии даже подданные Елизаветы.

Мария, в оценке Робертсона, была самой красивой и привлекательной женщиной века, прекрасно пела и танцевала и умела красиво говорить и двигаться. Описывая внешность, личные достоинства, а также страдания, через которые вынуждена была пройти Мария Стюарт, автор стремился вызвать в сердцах читателей симпатию и сочувствие к шотландской королеве⁹. С той же целью, описывая последние дни и часы жизни обеих монахинь, Робертсон рассказывает о том, что Елизавета умирала как слабая женщина, с болью вспоминая молодого графа Эссекса, в которого она, уже будучи в преклонном возрасте, влюбилась, дав повод для пересудов и кривотолков, а затем, заподозрив миловидного и весьма легкомысленного юношу в «измене», казнила за два года до своей смерти. Мария же, наоборот, вела себя в высшей степени достойно, как истинная королева и любящая мать¹⁰. Автор говорит о ней с очевидной симпатией, рассматривая ее материнство как преимущество по отношению к Елизавете, которая так и не вышла замуж и не завела детей.

Однако, при всем том, описывая человеческие слабости и политические просчеты обеих королевы, Робертсон ни разу не поставил под сомнение легитимность их власти, как и женской власти вообще. Будучи сыном своего времени, он вообще отрицал незыблемость монархического строя и святость персоны монарха, считая их пережитком прошлых эпох, поэтому людям, находящимся на престоле, он не предъявлял претензий в несовершенстве.

Робертсон подчеркивал недостатки и правителей-мужчин. Мария Стюарт, благодаря своей женской привлекательности, смогла приобрести большое влияние Франциска II и скоро полностью подчинила мужа своей воле. Единственным соперником на пути достижения полной власти над ним и страной, Мария считала только мать Франциска – Катерину Медичи: «В период правления Франциска, Катерина и Мария соперничали в борьбе за власть над слабым и неопытным королем, но привлекательность жены с легкостью одержала верх над материнским авторитетом...»¹¹.

Робертсон проводит анализ мужской власти, корнями уходящей вглубь тысячелетий. Он рассматривает много случаев, когда представители сильного пола, с легкостью обрета предназначенную им по праву

⁹ Ibid. P. 8.

¹⁰ Robertson. Book VIII. P. 180-182. Подробно см.: Рудковская. 2010. С. 235.

¹¹ Robertson. Book III. P. 102.

власть, вскоре теряли ее, так и не став полноценными монархами. Многим, взошедшим в малолетнем возрасте на престол монархам, так и не удавалось оспорить реальную власть у своих регентов, либо удавалось это сделать с огромным трудом и большим опозданием, как правило, после смерти опекуна. Но гораздо чаще в борьбе за власть принцы проигрывали своим опекунам. Робертсон отмечает интересную закономерность: ни один из шотландских принцев не умер своей смертью¹².

Отношение Робертсона к женской власти как к вполне естественному явлению отразилось в его наиболее знаменитом произведении – «История государственования Карла V». Описывая примирение Карла V и Франциска, он не без иронии отмечал «...две женщины вознамерились дать Европе желаемое ею благо». Тем более что, по мнению историка, выступившие в роли миротворцев Луиза Савойская и Маргарита Австрийская «...владели глубокими познаниями в политическом деле и были хорошо осведомлены о секретах и интригах своих дворцов»¹³.

Робертсон также не раз упоминает королеву Изабеллу и ее совместные с Фердинандом усилия, направленные на расширение полномочий испанских королей на всей территории страны и превращение Испании в абсолютную монархию: «...счастливое супружество Фердинанда и Изабеллы (из которых первый был наследственным Государем Арагона, а вторая заняла Кастильский престол благодаря любви к ней подданных) соединило все короны Испании и утвердило в ней единовластие...»¹⁴. Изабеллу он описывает как мудрую правительницу, любимую народом, уважаемую знатью и царственным супругом. Благодаря прозорливому женскому уму, гибкости и обходительности ей удавалось «смягчать суровость» Фердинанда, тем самым поддерживая мир и спокойствие в своих владениях. Автор подчеркивает, что испанская королева была любящей матерью: «Она была столь же славна добродетелями, сколько и мудростью, и в тройственном звании Королевы, супруги и матери заслуживает высокой похвалы, которыми превозносят ее испанские историки». Робертсон отмечает, что причиной преждевременной кончины королевы были материнские чувства – она так и не смогла пережить потерю старшей дочери и сына. Не меньше страданий ей причиняло несчастье в браке младшей дочери Иоанны, ее неразделенная любовь к мужу и его непри-

¹² Ibid. P. 33-34.

¹³ Робертсон. 1839. Т. I. С. 22-23. (См.: Рудковская. 2010. С. 236-237).

¹⁴ Там же. С. 140.

крытое презрение к ней. «Она начала постепенно изнемогать душой и телом, и протомаясь несколько месяцев скончалась»¹⁵.

Иоанна была слабоумна и неспособна к управлению страной. После смерти супруга ее разум полностью помутился от горя. Она потребовала, чтобы покойного не хоронили, поскольку слышала, что кто-то из королев ожил через 13 лет после смерти¹⁶. Однако примечательно, что кортесы Кастилии и Арагона отказывались официально признавать помешательство королевы и считали претензии на престол ее сына Карла, незаконными: «...испанцы почли намерение Карла не только явным нарушением своих законов, но даже противоестественным посягательством сына на права матери и неуважением к её несчастью»¹⁷. Этому обстоятельству способствовало то, что молодой Карл тогда еще не проявил себя как талантливый политик. Кроме того, он не владел испанским языком и не мог свободно изъясняться со своими поданными, из-за чего говорил мало и старался отвечать на вопросы предельно кратко и лаконично. Несмотря на недовольство и сопротивление многих вельмож, Карл V был объявлен королем, но с условием, что в случае выздоровления матери, он вернет трон королеве.

Симпатии к некоторым женщинам-правительницам и весьма лояльное отношение Робертсона к отдельным проявлениям «женской свободы» отнюдь не случайны и объясняются особенностью эпохи, в которую он жил и творил. Будучи просвещенным и широко мыслящим человеком, Робертсон научился оценивать людей по заслугам, согласно их добродетелям, независимо от других субъективных факторов, таких как пол, социальное положение, статус.

Однако, как справедливо отмечает И.Е. Рудковская, последний труд Робертсона «История Америки» – «это “История” совсем иного рода, где в рубрикации превалируют не имена или титулы, а такие термины, как “открытие”, “прогресс”, “план”, “схема”, “дух”»¹⁸. Здесь женщины представлены как объект власти, не имеющие никакого влияния на политическую и общественную жизнь. Автор лишь вскользь называет имена некоторых из женщин, упомянутых в его предыдущих трудах. Характерно, что полное отстранение женщин от власти и их бесправие в семье Робертсон считал негативным явлением и показателем низкого уровня развитости общества. В IV книге «Истории Америки» он прерывает рассказ об испанском завоевании, чтобы описать образ жизни коренных жителей

¹⁵ Там же. Т. II. С. 5.

¹⁶ Там же. Т. II. С. 14.

¹⁷ Там же. Т. II. С. 29.

¹⁸ Рудковская. 2011. С. 81.

Нового света. Робертсон сравнивает виды собственности, религию, семейные взаимоотношения и гендерные роли у разных племен, и другие вопросы, которые, так или иначе, касались положения женщин в обществе. Он приходит к выводу, что женщины в примитивных сообществах играли незначительную роль и подвергались жестокой репрессиям.

В «Истории Америки» Робертсон дает характеристику не только туземных народов, но и европейских цивилизованных наций. Он представляет эти два мира как полярные и несопоставимые, хотя с его точки зрения примитивный образ жизни индейцев мало отличался от образа жизни европейцев в доисторические времена. Индейское общество виделось ему одновременно и как модель социальной организации на ранних стадиях развития европейской цивилизации, и как ее противоположность. Местные женщины, согласно Робертсону, находились в «жестоким и тяжелом» рабстве у ленивых и жестоких мужей¹⁹, причем он отмечает способствующие этому обстоятельства. Жизнь местных мужчин состояла из кратковременных подъемов активности охотничьей жизни, после которых наступал долгий период безделья. А у женщин распределение труда было таковым, что они фактически оказывались в положении прислуги. Занятие домашней работой в эпоху Просвещения считалось унижительным, тем более, если женщина посвящала ему все свое время. Уважающая себя дама обыкновенно занимала свой день занятиями музыкой, пением, танцами, чтением, посещением салонов, концертов, а домашним трудом занималась прислуга (в просвещенческой литературе почти никогда не обсуждалось социальное положение простолюдинок, их право на образование и досуг). В отличие от просвещенных европейцев, давших женщинам большой простор для развития и досуга, туземцы лишали своих женщин возможности иметь приватное пространство и время, без чего невозможно получить хоть какое-то образование и подняться по социальной лестнице. «Женщина во многих племенах считалась не многим важней, чем лучший предмет, предназначенный для исполнения нужд»²⁰, – писал по этому поводу Робертсон. Физическая слабость женщин делала их беззащитными и беспомощными существами в обществе, где физическое преобладало над умственным, а положение и статус человека определялись материальными благами, добытыми им на войне. В таких сообществах, убежден Робертсон, нормальные взаимоотношения между полами невозможны. Он отрицал популярный подход, согласно которому в первобытном обществе преобладала свободная любовь и неуправляе-

¹⁹ Такой типаж представлен как противоположность современным ему независимым европейским женщинам. *O'Brien*. 2010. P. 101-102.

²⁰ *Robertson*. 1777. P. 321.

мая, почти животная страсть. Наоборот, Робертсон констатирует упадок рождаемости среди туземных женщин, особенно с появлением белых людей, и объясняет это недостаточностью мужской половой силы у индейцев: «Во всех частях Нового света туземцы демонстрировали безразличное и холодное отношение к своим женщинам. Женщины в этом обществе не удостоивались любви и привязанности, как это бывает в цивилизованных странах, и даже не вызывали неприкрытой и сильной страсти, как у отсталых и неотесанных народов... Презрительное и унижительное отношение к женскому полу в любом уголке мира – знак варварства», – заключает Робертсон²¹.

Такие взаимоотношения между полами были неприемлемы для просвещенных европейцев. В литературе и искусстве восхваляется новая форма отношений между мужчиной и женщиной, которую современники называли «*fine amour*», «утонченная любовь»: мужчина, очарованный дамой, должен полностью посвятить себя ей, служить ей верой и правдой. Для «завоевания» своей избранницы он делает вид, что во всем подчиняется ей. Умение истинно любить и красиво ухаживать – вопрос мужского достоинства. Кавалер, не умеющий галантно ухаживать за своей избранницей, поэтично и изящно говорить о своей любви, посвящать стихи своей любимой, мог стать предметом насмешек. Рыцарь должен был быть счастлив, если вознаграждался за свои старания хоть благосклонной улыбкой, подарком в виде платка или перчатки. Возвышенное отношение к недоступной леди поощрялось и было своего рода заменой какого-либо иного отношения к ней. Культ таких отношений восхвалялся в Европе с XII в., оставаясь идеалом и в эпоху Просвещения. Не следует думать, что этот литературный образ прямо воспроизводит жизненную реальность, но нельзя не признать, что он имеет определенную связь с образом жизни людей этой эпохи. Содержание восхваляемой «куртуазной любви» и рыцарского отношения к даме включает как психофизическое состояние влюбленного, так и свод правил и законов, которым «истинный влюбленный» должен следовать (быть щедрым, ни в чем не отказывать своей даме, совершать ради нее подвиги, быть красноречивым, верным и пр.). Куртуазная любовь была знаком престижа в мужском обществе, благодаря чему влияние созданной поэтами модели смогло, со временем, изменить отношения к женщинам в обществе в целом. Однако это касалось лишь леди, и

²¹ Ibid. P. 292, 319.

даже самый утонченный рыцарь мог обращаться с простолодинками, как ему вздумается, не встречая порицания со стороны общества²².

Согласно Робертсону, прямой противоположностью честным, галантным и страстным европейцам, являются туземные мужчины, демонстрирующие презрительное отношение к представительницам прекрасного пола. Своего рода маркером немощности туземцев Робертсон считал редкий волосяной покров и почти безбородость индейских мужчин, делающие их похожими на евнухов или несовершеннолетних. Поставив под сомнение мужскую силу местных мужчин, Робертсон, по сути, ставит под сомнение легитимность их власти, в очередной раз актуализировав их подчинение белым людям. По его мнению, это вполне справедливо, ведь они отличаются от туземцев джентельменским отношением к женщинам и ярко выраженными вторичными половыми признаками, указывающими на их мужественность и высокую креативность.

Половые взаимоотношения отнюдь не случайно стали предметом обсуждения в трудах Робертсона. В эпоху Просвещения половая сила, потенция, имела важное значение для самореализации и самоутверждения мужчины в обществе. Половые взаимоотношения часто становились темой для обсуждения в английском обществе, даже на политическом уровне²³. Немалое значение придавалось удовлетворенности женщины сексуальной жизнью. Осуждались как отдельные мужчины, так и целые сообщества, демонстрировавшие потребительское отношение к женщинам и пренебрежение их чувствами и эмоциями.

Идею о том, что положение и статус женщины – показатель цивилизованности общества, развивали и другие мыслители Просвещения. Особый интерес в этом плане представляют сочинения современника Робертсона Эдмунда Бёрка, чьи гендерные представления столь же характерны для эпохи, как и взгляды Робертсона. По мнению Э. Бёрка, идеальную форму гендерных отношений являет «век рыцарства», «Золотой век», который он оплакивал как ушедший, но не безвозвратно. Поэтому он придавал большое значение возрождению цивилизованных манер «эпохи рыцарства», как обязательному условию для развития и преуспевания страны и народа. Женщина, в его исторической концепции, занимала особое место, поскольку была хранительницей культурного наследия страны. Бёрк подчеркивал важное стабилизирующее значение культурных традиций в современной Европе. Гневно осуждая Французскую революцию и называя ее не иначе, как достойным осуждения безрассудст-

²² Дюби. 1990. С. 94-95.

²³ Муравьева. 2003. С. 119-129.

вом, он объясняет это тем, что любая революция грозит разрушить не только экономику страны, но и – что гораздо хуже – систему цивилизованных манер, которые поддерживают ее. Средневековое рыцарство, писал Бёрк, было веком «великой верности рангу и полу». Он описал рыцарскую эпоху как время гармонии и толерантности между разными классами и полами, как смешанную систему мнений и чувств. Со сменой эпох этот принцип внешне претерпевал изменения, ибо менялись условия человеческой жизни, но его суть оставалась неизменной, и он продолжал существовать столетиями, оказывая влияние на новые поколения людей, вплоть до времени жизни автора. И если этот дух полностью исчезнет, потеря, по мнению Бёрка, будет невозможной. Именно этот дух, стал отличительной чертой современной Европы. Именно он придавал блеск любым формам правления, еще со времен азиатских империй и, может быть, государств античного мира в период их расцвета²⁴.

Стержневой фигурой старой культуры, ее символом была *леди*, а поведение леди – критерием цивилизованных манер. В «Размышлениях» понятия «женщина», «цивилизация» и «европейская самобытность» составляют единый ряд и ассоциируются друг с другом. В 1771 г., выступая в Палате общин по вопросу о праве разведенных женщин снова вступать в брак, Бёрк объявил: «Основой всего порядка, гармоничного спокойствия и даже нашей цивилизации являются две вещи – нерасторжимость брака и свобода женского пола. Этим обусловлено преимущество Европы по отношению к каждой стране в мире»²⁵. Не совсем понятно, что имел в виду Бёрк, говоря о «свободе женского пола». Очевидно, однако, что подразумевалась не сексуальная свобода женщин.

Идея *леди* напоминает современному миру о его культурных традициях. Согласно Бёрку, общество развивается не только по одной модернизационной траектории, оно также содержит внутренние вариации – следы истории, видимые в поведении женщин²⁶. Мужчина должен посвятить себя женщине, хотя бы открыть для нее дверь, поднять упавший платок с сознанием того, что он восстанавливает историческую роль мужчины, его честь. Многие исследователи конца XVIII – начала XIX вв. считают, что рыцарство стало прототипом современной этики²⁷.

Бёрк в «Размышлениях» подчеркивает преимущество Великобритании, как оплота старых традиций и легитимных порядков, противопоставляя ее революционной Франции. Революцию он описывает как сти-

²⁴ Бёрк. 1993.

²⁵ Burke E. Speech on Divorce Bill... P. 357.

²⁶ O'Brien. 2010. P. 111.

²⁷ Ibid. 145-146.

хию, отбросившую французов на ступень варварства. Дегradировавшая в ходе революции Франция оказалась за гранью цивилизованного мира, а именно – Европы. Бёрк рисует фантазмагорические образы, порожденные Французской революцией: кровавые расправы, разъяренные толпы людей, сопровождающие монархов людоеды, женщины-фурии и пр. Необходимо понять все эти образы, расшифровать скрытый смысл ряда понятий. Все эти коннотации – олицетворение варварства, непонятного и неприемлемого для уважающего себя англичанина и европейца. События, освещенные Бёрком, описывают не Францию и французов, а трансформации, которые происходили в стране, нарушая легитимный порядок в ней, погружая великую страну в хаос, заставляя европейцев терять мужское достоинство и свободу.

Бёрк демонстрирует различия между революционной Францией, т.е. варварством, и Англией – оплотом традиционной европейской цивилизации. Подчеркивая легитимность государственного порядка, гражданского самосознания в Британии, он обосновывает право «Владычицы морей» на власть над колониями и даже на вмешательство в дела Европы, особенно в тех случаях, когда кто-либо сбивается с праведного пути.

Как и у Робертсона, в основу многих работ Бёрка положены идеи европоцентризма. Вовлеченность в стратегию европоцентризма определяет жанр и сюжетную канву «Размышлений» и обуславливает их сходство с путевыми заметками²⁸. Для выявления скрытого смысла некоторых понятий в работе Бёрка, С. Томпсон приводит отрывок из путевых заметок Луи Антуана де Бугенвиля, который описывает в своем «Кругосветном плавании» (1772), как его корабль пришвартовался у берега Таити и команда начала обмен с таитянами, меняя сотни зеркал, бисерные ожерелья, железную посуду, платки и т.п. на бананы, свиней, кокосовые орехи, хлеб. Когда французам удалось вызвать доверие местных жителей, те принесли к их кораблю самый привлекательный товар: молодых женщин. «Большинство этих женщин были наги – сопровождающие мужчины и старые женщины раздели их. Было очень трудно удержать на работе четыреста молодых французских моряков, которые не видели женщин в течение шести месяцев». Несмотря на бдительность капитана, пытавшегося удержать экипаж на борту, один моряк, послушавшись приказа, сошел на берег. Это происшествие описано так: «Один одинокий француз, который был моим поваром, найдя способ избежать моего приказа, вскоре вернулся скорее мертвым, чем живым. Едва сойдя на берег, он вместе с красивой женщиной, избранной им, был окружен толпой индейцев, кото-

²⁸ *Thompson*. 2003 P. 245.

рые раздели его с головы до ног». Он подумал, что безнадежно потерян, не знал, замолкнут ли вопли этих людей, которые подробно изучали каждую часть его тела. После внимательного изучения (его тела), они вернули ему одежду, положили в карманы все, что взяли из них, и привели девушку к нему, желая ему удовлетворить те желания, которые привели его на берег к ней. Они вернули беднягу повара на борт, который сказал мне, что я мог бы ему сделать выговор, но, что я никогда не смогу напугать его так, как только что он был напуган на берегу»²⁹.

Эта история, несмотря на легкомысленный тон, несет в себе значительную идеологическую нагрузку. В короткой встрече с чужаками, человек оказался раздет и чувствует себя совершенно бессильным перед лицом окружившей его толпы. Он как бы «сжимается», слабея от беспардонного разглядывания и прощупывания чужаками его тела, изучения каждой его части. Необузданная дикость пугает матроса больше, чем строгий выговор командира, являющегося олицетворением легитимного порядка. Ведь он француз, европеец, посланный в кругосветное путешествие королем Франции. Одежда – символ его культуры и полномочий, то, что отличает его толпы дикарей. «Естественное» желание приобщиться к их «дикой сексуальности» может трансформировать его, превратив из достойного мужчины в варвара. Одежда – это знак четкого разграничения статуса, пола, функций, одним словом одежда – это порядок.

Для Бёрка одежда – не просто ткань: «Все покровы, украшающие жизнь, были жестоко сорваны; навсегда были отброшены все возвышенные идеи, заимствованные из запасов нравственности, которые владели сердцами и были предназначены для сокрытия человеческих недостатков. Они были объявлены смешными, абсурдными и старомодными. При таком взгляде на мир король – всего лишь человек; королева – не более чем женщина; женщина – не более чем животное; а животные не относятся к существам высшего порядка. Уважение, подобающее слабому полу, должно рассматриваться как романтический вздор»³⁰. Поэтому, чтобы десакрализовать королевскую особу, лишить ее ореола величия и уравнять с простолюдниками из толпы, с королевы срывают покровы одежды и покровы власти. Почти обнаженная Мария-Антуанетта превращается в «животное не самого высокого порядка» революционной толпой одичавших людей. Обнажение Марии-Антуанетты – символа старых традиций означает осквернение легитимного порядка в стране, отречение от цивилизованности и от религии. Все события во Франции подобны язы-

²⁹ *Bougainville*. 1772. P. 218-219. Цит. по: *Thompson*. 2003. P. 247.

³⁰ *Burke*. 1790. P. 34.

честву и чужды христианскому духу. Королева же превращается в праведную мученицу, с достоинством терпящую гонения, незаслуженно обрушившиеся на ее голову: «Я слышал, и радовался услышанному, что королева, другой объект триумфа, выдержала этот день (надо сказать, что созданные для страданий умеют страдать) и что она переносит все последующие дни – заточение супруга, собственный плен, изгнание друзей, оскорбительное обращение и весь груз несчастий – со спокойным терпением, с достоинством, подобающим ее рангу и происхождению, как дочь повелительницы, известной своим благочестием и мужеством; говорят, что в ней есть величие римской матроны. Я надеюсь, что до последнего момента она будет выше своих несчастий, и если ей суждено погибнуть, она не погибнет от неблагородной руки...». Достойный мужчина, оказавшись здесь, становится бессильным перед этим потоком невежества, как европеец среди туземцев. «Я слышал, что августейший монарх, который был главным объектом триумфа нашего проповедника, не только много пережил, но был глубоко удручен этим позорным случаем. Как мужчина он, естественно, чувствовал ответственность за супруга и детей, за преданных ему гвардейцев, которых хладнокровно убивали в его присутствии; как монарх он был удивлен странной и пугающей переменой, происшедшей с его подданными, он более беспокоился о них, чем о себе».

Спротивлявшимся происходящему, оставалось лишь одно, покинуть родину. Бёрк описывает беглецов из Франции, как мужчин, сохранивших мужское достоинство и гражданскую добродетель. Он описывает праведный гнев Лалли Толанда, который бежал от непонятного и пугающего хаоса, охватившего его родину и поклялся никогда туда не возвращаться: «...я думаю, что те, кто подобно Вам разделяют мои мысли, меня не осудят. Клянусь Вам, что мое здоровье разрушено; но если даже забыть об этом, я более не в силах выносить тот ужас, который вызвала во мне эта кровь, эти головы, эта почти задушенная королева, этот король, влекомый, как раб, и въехавший в Париж в сопровождении убийц, несущих перед ним головы его несчастных телохранителей. Эти коварные янычары, эти убийцы, эти женщины-каннибалы, этот крик “Всех епископов на фонарь!”». Приведя слова другого эмигранта из Франции, Бёрк заключает: «Мужчина чести и добродетели, талантливый и, следовательно, беглец, беглец из лап дикарей»³¹.

Гендерный образ дикости – метафора женщины, пожирающей мужчину, «женский каннибализм», встречается у многих авторов, особенно

³¹ *Burke* .1790. P. 65.

тех, кто обращался к истории Америки и местных жителей. Сравнение ужасов Революции во Франции с поведением дикарей из Нового света, стало общим местом в трудах многих европейцев того времени. К этой теме обращался и Робертсон в «Истории Америки», с которой хорошо был знаком Бёрк. Так, в V книге Робертсон описывает то, что он называет «военной операцией» коренных американцев. Он пишет об их неорганизованных, хаотичных атаках: они идут в наступление ночью, и всегда надеются поймать своих врагов врасплох, то есть застать их во время сна или еды. «Сначала, когда пленят противника, они добры и уважительны, но позже их ярость проявляется с большей силой... Женщины деревни, вместе с юношами, которые не достигли возраста, чтобы носить оружие, собираются вместе и формируют две линии, через которые заключенные должны пройти. Пленных жестоким образом избивают и бросают в них палки или камни... Заключенных связывают голыми к столбу, но так, чтобы они могли двигаться вокруг него. Все, кто присутствуют – мужчины, женщины и дети, устремляются к ним, как фурии. Применяется любой вид пыток, какой только злоба мести может придумать. Некоторые сжигают их конечности каленым железом, некоторые калечат их тела ножами, другие срывают плоть с костей, вырывают ногти с корнем, терзают и выкручивают их сухожилия. Они соперничают друг с другом в утонченности пыток... Варварские сцены часто сменялись одна другой, не менее шокирующей. Если невозможно, успокоить дух мести, который бушует в самом сердце дикарей, то это часто побуждает американцев пожирать тех несчастных, которые стали жертвами их жестокости»³². Пленные встречают свой конец как пища для племени, пища, которая принимается ритуально или торжественно (что подразумевалось бы в мужской сфере), но в духе «мести, которая бушует в сердце дикаря», воплощенном в женщинах, которые желали возмездия за гибель родных и близких, убитых иноплеменниками.

Вероятно, этот отрывок из книги Робертсона хорошо знал Бёрк, и это прослеживается в той части текста, где описана трансформация толпы французских революционеров в онодагское племя, а женщин из толпы – в фурий, питающихся пленными. Описывая одичавших женщин, вытворяющих ужасные вещи с пленными, Робертсон подчеркивает разницу с европейцами, ибо это противно их обычаям. Автор сознательно акцентирует участие женщин и детей в этих леденящих кровь истязаниях. Точно так же и Бёрк неоднократно обращается к неистовствам женщин во время революции. Оказывается, что именно женщины больше всего теряют от

³² *Robertson*. 1842. P. 188.

революции «света и разума». Мужчины же теряют мужское достоинство, ведь мужчина, который не защищает женщину, уже человек низкого ранга, недостойный называться европейцем.

На анонимной деревянной гравюре испанского автора изображены южноамериканские женщины с детьми, окружившие большое блюдо, посредине которого находится человеческая голова, а вокруг нее – внутренности. Показательно, что женщины едят человеческий кишечник, самую нечистую часть тела. На другой гравюре – изображение «званого обеда», на котором женщины и дети пьют кровь из миски. Не менее жуткое зрелище – на известной гравюре Андре Тевета (1575 г.). На ней местные мужчины расчленили тела и бросают их на гриль, а женщина радостно тянет кишечник из обезглавленных трупов убиенных европейцев.

Подобные гравюры, изображающие акт каннибализма женщин в самой искаженной, преувеличенной манере, преподносятся как документальные: они, соседствуют с выполненными в академическом стиле гравюрами, изображающими ранее неведомые флору и фауну открытых европейцами земель. С помощью этих изображений и описаний историки эпохи Просвещения осмысливали происходящее не только за пределами европейской ойкумены, но и в самой Европе.

Однако для Бёрка «антиподом женщин-каннибалов была не Мария-Антуанетта, как ошибочно считают многие критики, а мужчина с общепринятыми ценностями»³³, человек ясного разума и твердой воли. Антиподы революционной толпы – король, эмигранты, сбежавшие из хаоса революции, и англичане. Женщина у Бёрка – представительница «слабого» пола. Столь почитаемая им Мария-Антуанетта не выступает как самостоятельное действующее лицо, наделенное политической волей, а ее деяниям как монархини не дается никакой оценки, и представлена она, скорее, как достойная женщина высокого ранга, нежели правитель. Ее образ несет в себе преимущественно цивилизационную и эмоциональную нагрузку. Королева – украшение Франции, которое должно лелеять и защищать. Этим отличается подход Э. Бёрка от подхода У. Робертсона, который, говоря о женщинах наделенных властью, все же давал их политической деятельности и взглядам, если таковые имелись, какую-то оценку – положительную или отрицательную.

Характерно, что говоря о гибели королевы, Бёрк сокрушается не о ней, а о том, что ее не уберегли. «О, какие перемены! Какое сердце нужно иметь, чтобы без волнения наблюдать такой взлет и такое падение!... Могли я вообразить, что доживу до того времени, когда увижу, как галантная нация, нация людей чести и кавалеров, обрушит на нее такие несчастья! Я думал, что десять тысяч шпаг будут вынуты из ножен, чтобы наказать даже за взгляд, который мог показаться ей оскорбительным. Но век рыцарства прошел. За ним последовал век софистов, экономистов, конторщиков, и слава Европы угасла навсегда. Никогда, никогда больше мы не встретим эту благородную преданность рангу и полу; этого гордого смирения, повиновения, полного достоинства, подчинения сердца, которое в рабстве сохранило восторженный дух свободы. Щедрость, защита слабых, воспитание мужественных чувств и героизма – все разрушено. Они исчезли – эта чувствительность к принципам, строгость чести, которая ощущала пятно, как рану, которая внушала отвагу и в то же время смягчала жестокость, которая оживляла все, к чему прикасалась, и при которой даже порок утрачивал половину зла и грубости»³⁴.

Сравнивая гендерные представления двух видных британских просветителей, можно отметить как сходство, так и различия, обусловленные особенностями мироощущения и авторского стиля. Робертсон развивал просвещенческую идею о том, что все люди рождаются с равными возможностями. Неравенство между людьми – следствие луч-

³³ *Thomphson*. 2003. P. 246.

³⁴ *Бёрк*. 1993.

ших или худших условий жизни, воспитания, образования и целеполагания. Достоинства и пороки правителей, по Робертсону, определяются не полом, а личными качествами. Робертсон, по сравнению, например, с Г. Болингброком³⁵, в своих трудах часто вдавался в подробное описание тонкостей человеческой природы, а также бытовых мелочей.

Что касается Э. Бёрка, то он придерживался более консервативных взглядов на женскую природу и женскую власть. Женщина для него – объект поклонения и восхищения, заботы и опеки, даже важный цивилизующий фактор, но она не может претендовать на равную с мужчиной власть. Самоценность женщины – в том, что она *леди*, и это сугубо европейский феномен, маркер европейской цивилизации, который отличает белых людей, обладающих «рыцарским кодексом», от нецивилизованных дикарей. Представления о роли женщины и мужчины в обществе оказались в текстах избранных авторов тесно связаны с такими базовыми понятиями, как цивилизация, варварство, власть (как официальная и легитимная власть, политическое доминирование, так и неформальные способы достижения своих целей)³⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Robertson W.* The history of Scotland. L.: Cadell and Davies, 1817.
Robertson W. History of America. L., 1777.
Robertson W. The History of the Discovery and Settlement of America. N.Y.: Harper & Bros., 1842.
Bougainville L.A. A Voyage Round the World. London: J. Nourse, 1772.
Burke E. Reflection on the Revolution in France, and the Proceedings of Certain Societies in London Relative to that Event. L., 1790.
Burke E. Speech on Divorce Bill, 29 April, 1771 // The Writing and Speeches of Edmund Burke. Vol. II / Ed. by P. Langford. Oxford, 1981.
Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. Сокр. перевод с англ. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php
Робертсон В. История государственного императора Карла V. М., 1839.
O' Brien K. Women and Enlightenment in Eighteenth-Century Britain. Cambridge university press, 2010.
Tergue F. Elizabeth I: Queen of England. // Women Writers of the Renaissance and Reformation. Athens, 1987.
Thompson S. Edmund Burke's Reflections on the Revolution in France and the subject of Eurocentrism. (Critical Essay): Irish University Review: a journal of Irish Studies. Vol. 33, No. 2. 2003.

³⁵ Маргарян. 2014.

³⁶ См.: Репина. 2002. С. 86.

- Буланакова М.А.* Представления о материнстве в Стюартовском обществе и повседневный опыт английских аристократок // *Материалы 12-й международной конференции молодых ученых.* 2001. <http://www.sovmu.spbu.ru/main/conf/man-nat-soc/2001/7-3.htm>
- Дюби Д.* Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // *Одиссей. Человек в истории.* 1990. М., 1990. С. 90-96.
- Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М.: ИВИ РАН, 2005.
- Маргарян Л.Е.* Гендерный дискурс в трудах Г. Болингброка // *Преподаватель XXI век.* 2014. № 1. (в печати).
- Муравьева М.Г.* Лорд или джентльмен: к эволюции английской маскулинности в раннее новое время. // *Социальная история.* // *Женская и гендерная история,* 2003. М.: РОССПЭН 2003.
- Репина Л.П.* Женщины и мужчины и истории: Новая картина европейского прошлого. М.: РОССПЭН, 2002.
- Репина Л.П.* От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // *Диалог со временем.* 2007. Вып. 19. С. 5-27.
- Репина Л.П.* «Приватное / публичное» и «власть женщин» // *Factorul feminin în istorie / Coord. st. Lilia Zabolotnaia. Chisinău: CEP USM, 2012. P. 27-37.*
- Рудковская И.Е.* Женщины в политике в исторических трудах позднего Просвещения. // *Гендерное образование в подготовке учителя: материалы IV Всероссийской конференции, 16–17 ноября 2010 г. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011.*
- Рудковская И.Е.* Женщины в политике в трактовке В. Робертсона и Н.М. Карамзина. // *Диалог со временем.* 2010. № 31. С. 229-250.
- Маргарян Лусинэ Ервандовна, аспирантка кафедры Теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; luyusa-margar@mail.ru***